новаций. Сознание молодого человека восприимчиво к огромному потоку информации, и именно в этот период у него формируются политические взгляды, образ жизни, интересы, мировоззрение, установки и т. д.

Проведенное в 2009 г. Социологическим центром РАГС исследование показало, что у нынешних молодых людей на первый план выходят новые ценности, которых не было у их родителей. Современная молодежь ставит на ведущие места кино (62,5%) и поп-музыку (38,3%) [4, с.37]. Наиболее часто посещаемые молодыми людьми сайты в Интернете – это сайты, дающие информацию о сфере увлечений респондентов, и новостные, которые просматривают 63,6% и 45,2% опрошенных соответственно [4, с.43]. Интернет-страницы, посвященные науке, истории, искусству и политике, привлекают значительно меньшее внимание юношей и девушек. Общение напрямую (вживую) все больше заменяется общением виртуальным.

Одним из важнейших критериев, своего рода мерилом действенности государственной культурной политики является, на наш взгляд, ее адекватность проблеме сохранения и развития культурной идентичности России в мировом социокультурном пространстве. Можно выделить три фактора, которые повлияли на особенность и неповторимость культурной идентичности российского народа: географический, поскольку Россия расположена на огромной территории, что не могло не сказаться на ее социокультурном пространстве; многонациональный религиозный, заключающийся в многообразии религий и вероисповеданий; и человеческий, суть которого состоит в представлении россиян о бесконечности русской земли и восприятии влияния западной и восточной культур.

В планах реформаторов 90-х годов не было задач по построению нового социокультурного пространства и формированию новой культурной идентичности, достаточным считалось разрушение ее советской модели. Но и сегодня у государства нет единой концепции дальнейшего культурно-цивилизационного развития России.

Мы считаем, что сохранение культурной идентичности является ключевым фактором устойчивого развития российского общества, поэтому необходимо популяризировать национально-культурное наследие во всех его формах. Большинство общественных идеалов и ценностей, которые приняты на Западе, неприемлемы, а порой и вредоносны для наших соотечественников.

Формирование новой культурной идентичности личности и общества возможно при условии, если факторы духовного обновления действуют на всех этапах культурно-жизненного цикла индивида, включая культуру воспитания в семье, культуру образования, культуру труда и отдыха, культуру социального обеспечения. Соответственно должны выстраиваться требования и к обновлению «производства» культурных ценностей с учетом потребностей различных демографических и социальных групп.

В системе управления социокультурным пространством современной России необходимо сделать акцент на модернизационное обновление, что включает в себя: финансовую поддержку культурных и образовательных учреждений (библиотек и театров, музеев и консерваторий, учебных заведений и т. п.); активное позиционирование своей национальной культуры на мировом социокультурном пространстве; пропаганду культурных ценностей в российском обществ, особенно среди молодежи.

Как свидетельствует российский и зарубежный опыт, институты рынка не могут служить достаточно эффективными регуляторами социальных отношений, в том числе и в социокультурной сфере. В России назрела необходимость разработки институциональной базы развития социокультурного пространства, которая обеспечивала бы приоритетность духовно-ценностного содержания произведений культуры и ограничивала непомерную нацеленность организаций и учреждений культуры на коммерцию и максимизацию прибыли.

Ресурсное обеспечение культурной политики предполагает активное участие государства в определении и социальном управлении основными характеристиками глобализационных процессов.

Для того чтобы остаться в числе основных действующих лиц глобализации, необходимо, во-первых, стабилизировать тенденции экономического роста, грамотно вкладывая деньги, полученные от природных ресурсов, в инновации.

Во-вторых, российские власти должны иметь четкое представление относительно сущности разворачивающихся геоглобальных процессов с тем, чтобы, учитывая законные интересы других стран, последовательно реализовывать долговременные национальные интересы.

В-третьих, необходимо инвестировать средства в человеческий капитал, который представляет собой интеллектуальный потенциал государства в целом, ведь именно знания позволяют создавать современные информационные продукты и грамотно применять их на деле.

В-четвертых, необходимо сохранять свою национальную идентичность, стараясь брать от глобализации только положительные моменты и отбрасывать продукты примитивной массовой культуры.

И, наконец, в-пятых, России нужно активно участвовать в глобальном политическом процессе, осуществляя со своими западными партнерами равноправное и взаимовыгодное сотрудничество на основе своих национальных приоритетов.

Литература

1. *Астафьева О.Н.* Массовая культура // Глобализация: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С.544.
2. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. Федеральный выпуск. 2009. № 5038 (214). 13 ноября.
3. Инициативный Всероссийский опрос ВЦИОМ 23-24 мая 2009 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: http://wciom.ru/
4. Культурные потребности молодежи в контексте современных социокультурных изменений // Социология власти. 2010. № 1.

МЕНЕДЖМЕНТ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Максим ЧЕРНОУСОВ

аспирант кафедры государственного и муниципального управления Самарской академии государственного и муниципального управления

Управление знаниями, или менеджмент знаний, – это процесс, направленный на получение экономического эффекта за счет использования потенциала человеческого и социального капитала. Он затрагивает социальную сферу, адаптирует организационные механизмы и технологии для улучшения деятельности организации в целом [1]. Управление знаниями применяется как в бизнесе, так и в администрировании, в общественном секторе экономики и в публичной сфере политики, в учреждениях, различных по масштабу деятельности и по выполняемым функциям [2]. Сходство заключается в том, что для них критичным является получение информации из внешней среды и,

как следствие, необходимость принятия эффективных решений в кратчайшие сроки не только при достаточности, но даже на основе неполной или недостоверной информации.

Использование менеджмента знаний в публичном секторе чаще всего связывают с решением проблемы отсутствия инноваций в работе государственных и муниципальных структур [3, с.149-153]. Административная реформа призвана регламентировать процессы взаимодействия органов государственной муниципальной власти с гражданами. Результатом преобразований должны стать «прозрачные» механизмы предоставления государственных и муниципальных услуг. Для этого основной упор делается на информационные технологии («электронное правительство») и регламентацию бизнес-процессов, т. е. те направления, которые напрямую связаны с экономикой знаний.

Основной вопрос: каким образом должно происходить развитие этих структур, – оказался не таким простым. Особенно это касается органов муниципального управления, которые конституционно обособлены от федерального и регионального уровней власти и обладают определенной самостоятельностью. Здесь вопросы управления знаниями пока не являются приоритетными из-за того, что муниципальные институты остаются разрозненными и между ними нет согласованных действий, отсутствуют единые критерии оценки качества муниципальных услуг, страдает и формализация предоставления услуг населению. Поэтому «модернизация» зачастую сводится к реинжинирингу управленческих процессов и изменению корпоративной культуры.

Исправить ситуацию в системе городского округа можно за счет применения технологий управления знаниями. Мы убедились в этом на примере Самары. Для нее, как и для многих городских округов, характерны недостаточный уровень инноватики в управлении, слабое использование потенциала местного сообщества при решении вопросов местного значения. Менеджмент знаний – проверенный механизм, благодаря которому можно выявлять проблемы в работе органов власти, находить пути решения, использовать полученный опыт в дальнейшей работе, создавать новые знания, выводя эффективность организации на качественно новый уровень.

Для того чтобы реализовать политику модернизации систем управления на основе активизации интеллектуального потенциала местной бюрократии, самим субъектам реформ нужны знания об инструменте модернизации. Зарубежный опыт показывает, что, несмотря на высокий уровень внедрения современных информационных технологий, информационной открытости, низкой коррупции и пр., необходим механизм организационного развития и изменений. Технологии управления знаниями, которые были успешно апробированы в зарубежных коммерческих и общественных структурах, пригодны для адаптации в российских условиях.

Можно выделить два направления в развитии управления знаниями на муниципальном уровне. Первое – инициация действий «снизу-вверх». В этом случае менеджмент ориентирован в первую очередь на свободный обмен знаниями между муниципальными служащими, благодаря чему распространяются лучшие практики и передовой опыт, возрастает производительность труда, улучшаются навыки муниципальных служащих. Все это способствует повышению эффективности работы муниципальной системы, увеличивается удовлетворенность работой муниципальных служащих, что в итоге обеспечивает качественное предоставление муниципальных услуг для жителей муниципалитетов [4].

Приоритет на улучшение производительности труда и эффективности работы муниципальных служащих, на наш взгляд, связан прежде всего с тем, что население не влияет на формирование органов муниципальной власти, поэтому главным фактором, от которого зависит качество предоставляемых муниципальных услуг, является эффективное использование знаний и компетенций муниципальных служащих.

Второе направление развития системы управления знаниями на муниципальном уровне реализуется по схеме «сверху-вниз». Она функционирует, например, в Риге (Латвия). Проект системы электронного города (e-city) объединяет современные информационные и организационные технологии и преследует такие цели, как улучшение качества и доступности услуг, предоставление услуг в электронном виде, принятие решений, отвечающих интересам граждан, обеспечение прозрачности и эффективности муниципальных расходов, увеличение эффективности муниципальных институтов. Система управления знаниями встраивается в структуру электронного города и является одним из звеньев успешной реализации проекта в целом. Приоритет управления знаниями возрастает в процессе формализации процессов муниципального управления и внедрения системы электронного города, что в итоге помогает жителям влиять на решения, принимаемые в системе муниципального управления [5].

Как этот опыт может применяться в городском округе Самара? В его системе управления есть исполнительно-распорядительный и представительный органы муниципальной власти. С позиции организационной структуры первый представляет собой дивизионную структуру (администрации районов) с головной организацией (администрация городского округа). Администрации районов выполняют идентичные другим дивизионам функции с жесткой привязкой к территориям. Благодаря этому возможно создать эффективный обмен знаниями между подразделениями, выполняющими идентичные функции, например, через «сообщества практиков» [6].

С другой стороны, система муниципального управления опирается на базовые принципы местного самоуправления. В этом плане система управления знаниями имеет принципиальное сходство с системой муниципального управления — концентрация на человеческом капитале для достижения поставленных целей. В данном контексте можно рассматривать реализацию функций исполнительно-распорядительного органа посредством взаимодействия с местными жителями во главе с представительным органом муниципальной власти.

Задачей муниципальной власти является решение проблем местного значения, а это означает, что муниципалитет должен быть именно «самообучающимся», гибким по отношению к внешней среде. Для этого, во-первых, необходимо в первую очередь способствовать развитию навыков и компетенций персонала. Единая коммуникативная среда способствует внутреннему обучению, дает возможность свободному распространению явных, неявных и организационных знаний. Наличие знаний у сотрудников без возможности их применения на практике является существенной проблемой в работе органов муниципальной власти. Так, остаются невостребованными рационализаторские идеи и предложения, наиболее креативные муниципальные служащие, которые не могут в данных условиях реализовать собственный потенциал, оставляют службу. Во-вторых, важна согласованность текущих бизнес-процессов и информационных технологий для реализации потенциала нематериальных активов – человеческого и социального капитала. В-третьих, система управления знаниями подразумевает активное взаимодействие с внешней средой. Получение и адаптация знаний из внешней среды обеспечит «самообучение» системы управления, следствием которой будет принятие оптимальных и эффективных управленческих решений.

Литература

1. *Мильнер Б.З.* Управление знаниями: принципы, методы, эффективность. URL: http://www.koism.rags.ru/publ/articles/26.php (дата обращения: 14.10.2010).
2. *Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: ЭКСМО, 2008.
3. *McNabb David E.* Knowledge management in the public sector: a blueprint for innovation in

government. M. E. Sharpe Inc, 2007.
4. DMA launches “Musharaka” the first knowledge management framework within government entities // Department Of Municipal Affair (Emirate of Abu Dhabi). 2009. URL: http://dma.abudhabi.ae/en/news/dma.km.workshop.arq.aspx (дата обращения: 14.10.2010).
5. *Zaharova S., Zelmene K.* Knowledge management in delivering customer oriented services in public sector // Knowledge management in electronic government. Springer, 2004. P.37-46.
6. *Макдермот Р., Арчибальд Д.* Какой прок от профессиональных сообществ? // Harvard Business Review Россия. 2010. Июнь-июль. С.82-89.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (на примере Финляндской Республики)

Евгений СУСЛОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии Марийского государственного университета

Исходя из определения политики, мы воспринимаем политические конфликты как инвариантную составляющую политического процесса, поскольку в его основе лежит борьба за власть и за контроль над распределением ресурсов. Образ эпохи определяется тем, какие конфликты господствовали в те или иные времена. Век даже относительно регулируемых конфликтов отличается отсутствием крупных войн, революций и других социальных потрясений, что создает оптимальные условия для достижения социально значимых целей.

В тех странах, где институционализация политического (социального) конфликта понимается как стратегия управления противоречиями, устанавливающая жесткие правила игры для противоборствующих сторон, которые воспринимают политический конфликт как необходимое условие свободной и упорядоченной состязательности и своим адекватным поведением способствуют его легитимации в общественном сознании, социальная напряженность не достигает параметров, разрушающих целостность политической системы. Дело в том, что политическая стабильность достигается не путем использования государством монопольного права на легитимное насилие, а вполне щадящими политическими средствами, в арсенале которых не блокирование или «замораживание» процесса протекания конфликта, а поиск и нахождение новых возможностей управления им.

Поскольку институционализация политического конфликта (ИПК) предполагает прежде всего установление легитимных норм поведения, обусловленных согласием участников конфликтного взаимодействия, необходимо определиться с акторами и объектами ИПК.

Акторами институционализации политического конфликта выступают рационально мыслящие и квалифицированные представители элиты, имеющие высокий уровень общественной поддержки и контроля. При этом они могут представлять как действующую политическую власть, так и адекватную оппозицию и критически настроенную часть общества. Иными словами, это – авторитетные люди, снискавшие доверие и уважение сограждан в профессиональной и общественно значимой сферах деятельности. Объектами ИПК в условиях демократического политического режима (либо переходного – от авторитарного к демократическому) являются, в широком смысле, государство и гражданское общество, пребывающие в перманентных конфликтно-консенсусных отношениях. В узком – это институты государства и гражданского общества (президент, правительство, парламент, суды, политические партии, общественные организации, профсоюзы, церковь и др.) В случае, когда конфликт имеет международный характер, акторами его институционализации являются субъекты мировой политики – великие державы и международные политические институты. Объектами – суверенные государства.

Ход и результат институционализации политического конфликта связан с выбором формы правления, который представляет собой сложную политическую задачу, поскольку на него оказывают влияние такие факторы, как предшествующая институциональная политическая конструкция страны и внутриэлитная консолидация. Как пишет И. Тарасов, со ссылкой на Д. Найта, момент выбора (принятия решений) характеризуется неопределенностью целого ряда существенных аспектов: того, какие альтернативы доступны в данный момент; последствий выбора из данных альтернатив; выбора взаимодействующих субъектов; будущих предпочтений; альтернатив, которые могут стать доступными в будущем; будущих последствий выбора из имеющихся альтернатив [1, с.36]. Надо признать, диапазон выбора, как правило, небольшой. В его основе лежит альтернатива между импортом «чужих» институтов и предпочтением тех институциональных образцов, которые были достоянием исторического прошлого страны.

С позиций системного подхода тип политического конфликта, сценарий разрешения либо снижения его остроты предопределяется той средой, состояние которой находится в прямой зависимости от типа политического режима как средоточия наиболее типичных методов функционирования политических институтов, используемых ими властных ресурсов.

Политические институты в структуре демократического государства, исторически складываясь, представляют собой определенный институциональный дизайн в виде традиционных и модернизационных элементов политической системы, создающий условия для институционализации политических конфликтов.

Выбранная для анализа этих процессов Финляндская Республика – постимперское государство, достигшее суверенитета и демократии в результате острейшей политической коллизии – крушения Российской империи. После окончания Второй мировой войны Финляндия приобрела статус нейтральной страны, что также способствовало совершенствованию институционального дизайна ее политической системы.

Современная политическая практика этого государства свидетельствует, что здесь начиная с 1974 г. по настоящее время не было попыток неконституционной смены власти или государственных переворотов [2, с.529]. Не вызывает опасений у мирового сообщества и ситуация с уровнем конфликтогенности и расколов.

Постимперская траектория развития Финляндии оказалась успешной. Приобщение суомолайсет (так финны называют себя) к демократическим институтам происходило еще в условиях Российской империи. До этого финны и шведы более 600 лет были подданными шведского короля, и общая история не могла не оставить глубокого следа в виде культурных феноменов западного образца и институциональных предпочтений. В Финляндии некоторые правовые нормы Общешведского уложения 1734 г. до сих пор сохраняют свою силу [3]. Финские территории, оказавшиеся в со-